

Информация для цитирования:

Ильченко Н. М. «Растительный орнамент действительности»: цветы в картине мира Э. Т. А. Гофмана и Н. А. Полевого / Н. М. Ильченко, Е. Г. Чернышева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 7. — С. 256—275. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-256-275.

Ilchenko, N. M., Chernysheva, E. G. (2024). “Floral Ornament of Reality”: Flowers in Worldview of E. T. A. Hoffmann and N. A. Polevoy. *Nauchnyi dialog*, 13 (7): 256-275. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-256-275. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

«Растительный орнамент действительности»: цветы в картине мира Э. Т. А. Гофмана и Н. А. Полевого

Ильченко Наталья Михайловна¹

orcid.org/0000-0003-2541-5061

доктор филологических наук,

профессор

кафедры русской

и зарубежной филологии

корреспондирующий автор

ilchenko2005@mail.ru

Чернышева Елена Геннадьевна²

orcid.org/0009-0000-9612-331X

доктор филологических наук,

профессор

кафедры русской

классической литературы

el.chernysheva@yandex.ru

¹ Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Нижний Новгород, Россия)

² Московский педагогический государственный университет (Москва, Россия)

“Floral Ornament of Reality”: Flowers in Worldview of E. T. A. Hoffmann and N. A. Polevoy

Natalia M. Ilchenko¹

orcid.org/0000-0003-2541-5061

Doctor of Philology, Professor,

Department of Russian

and Foreign Philology

corresponding author

ilchenko2005@mail.ru

Elena G. Chernysheva²

orcid.org/0009-0000-9612-331X

Doctor of Philology, Professor,

Department of Russian

Classical Literature

el.chernysheva@yandex.ru

¹ Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Nizhny Novgorod, Russia)

² Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Актуальность исследования обусловлена научной значимостью проблемы русско-немецких литературных связей как важного фактора межкультурного взаимодействия. В статье анализируются произведения, в которых авторы выражают мистическое чувство природы, основанное на натур-философских идеях Ф. Шеллинга. Предметом изучения выступает национальная самобытность романтизма, проявившаяся в особенностях восприятия природы, в частности, флористической образности. Показано, что писатели-романтики Германии и России в ценностно-эмоциональном плане романтического универсума воспринимали любовь как мистическое чувство, позволяющее проникнуть в таинственные силы природы. Флористический план произведений вносил дополнительный индизнаказательный смысл в художественный мир Э. Т. А. Гофмана и Н. А. Полевого. «Цветочный фон» героев анализируемых произведений (тюльпан Гамахея, чертополох Пепуш, невеста Тиса — Розочка; Эмма — василек; Италия — «бедная незабудка» и др.) предопределяет символический язык природы. Внимание уделяется и мотивам, традиционным для немецкой литературы: томление, сродство душ, воспоминание о «другом мире», соединение любящих в смерти, — которые нашли отражение в анализируемых произведениях русской литературы. Новизна исследования связана с тем, что диалог Н. А. Полевого с немецкой литературной традицией в лице Э. Т. А. Гофмана рассматривается как результат его мировоззренческих и поэтических поисков.

Ключевые слова:

романтический универсум; образ; символ; цветы; мотив; природа; реминисценция; мифопоэтика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The relevance of this study is grounded in the scholarly significance of the issue of Russian-German literary connections as a crucial factor in intercultural interaction. This article analyzes works in which the authors articulate a mystical sense of nature, based on the natural philosophical ideas of F. Schelling. The focus of the investigation is the national distinctiveness of Romanticism, manifested in the peculiarities of nature perception, particularly floral imagery. It is demonstrated that the Romantic writers of Germany and Russia perceived love, within the value-emotional framework of the Romantic universe, as a mystical feeling that enables one to penetrate the mysterious forces of nature. The floral motifs within the works contribute an additional allegorical meaning to the artistic worlds of E. T. A. Hoffmann and N. A. Polevoy. The “floral background” of the characters in the analyzed texts (the tulip Gamachea, the thistle Pepush, the bride Tis — Little Rose; Emma — cornflower; Italy — “poor forget-me-not,” among others) establishes a symbolic language of nature. Attention is also given to motifs traditional to German literature: yearning, soul affinity, reminiscence of a “different world,” and the union of lovers in death, which are reflected in the examined works of Russian literature. The novelty of this research lies in its consideration of N. A. Polevoy’s dialogue with the German literary tradition represented by E. T. A. Hoffmann as a result of his philosophical and poetic explorations.

Key words:

Romantic universe; image; symbol; flowers; motif; nature; reminiscence; mythopoetics.

«Растительный орнамент действительности»: цветы в картине мира Э. Т. А. Гофмана и Н. А. Полевого

© Ильченко Н. М., Чернышева Е. Г., 2024

1. Введение = Introduction

Флористический образ является значимой доминантой художественного мира многих писателей. В последние десятилетия появились исследования, связанные с «языком цветов» в этикетно-бытовой культуре, с особенностями природно-этикетных атрибутов жизни первой трети XIX века [Басманова, 2011; Марченко, 2005; Соколов, 2002]. Опора на труды ученых, соотносящих свою самодостаточную методологию с мифологическим направлением [Веселовский, 1989; Потехня, 2000; Пропп, 1998], позволяет успешно создавать «литературную флористику». В данном контексте следует назвать исследования С. Г. Горбовской [Горбовская, 2017]; К. И. Шарафадиной [Шарафадина, 2003; Шарафадина, 2018]; Г. Э. Ионикс и В. Б. Микушевича [Ионикс, 2011; Микушевич, 1998].

«Язык цветов», особенно у Новалиса и Э. Т. А. Гофмана [Ильченко, 2012], наделен тайным смыслом. Г. Гачев, рассматривая особенности германского образа мира, выделяет растение как «гарантию истины»: «...язык, воздымающийся из глубины, из толщи, там укрепленный и укорененный, и оттого имеет гарантию основательности» [Гачев, 2019, с. 796].

«Концепция» «языка цветов», сложившаяся в литературе Германии эпохи романтизма, была воспринята и творчески переработана русскими романтиками — В. Ф. Одоевским, К. С. Аксаковым, Н. А. Полевым.

Николая Алексеевича Полевого (1796—1846) называют «подлинным продолжателем Э. Т. А. Гофмана» [Левит, 1930, с. 337], писателем, которому были близки «эстетические принципы немецкого писателя» [Ботникова, 2004, с. 211]; указывается на использование им тех или иных сюжетных ходов и мотивов [Федоров, 2002, с. 158—171; Вайскопф, 2012, с. 456]. В. И. Сахаров отмечает, что романтические повести Полевого переполнены «спорами о “животном магнетизме”, мистике, Шеллинге и т. п.» [Сахаров, 2002, с. 48]. Один из циклов своих произведений русский романтик на-

звал «Мечты и жизнь». Для Э. Т. А. Гофмана (1776—1822) — позднего немецкого романтика — тоже оставалась значимой «жизнь в мечте», как и для представителей раннего, иенского, романтизма. А. Б. Ботникова, полагая, что рассмотрение литературных связей Э. Т. А. Гофмана с русскими писателями имеет давнюю традицию, все же указывает на их односторонность и узость: «Не учитывались пути и формы гофмановской традиции... Чужеземная традиция не только вбирается иноязычной литературой, но и претерпевает в ней дальнейшее развитие» [Ботникова, 1977, с. 5].

Материалом для изучения стали новелла, написанная Э. Т. А. Гофманом незадолго до смерти — «Повелитель блох. Сказка в семи приключениях двух друзей» [Гофман, 1962] («Meister Floh. Ein Märchen in sieben Abenteuern zweier Freunde», 1822) [Hoffmann, 1972], и две повести Н. А. Полевого из цикла «Мечты и жизнь»: «Блаженство безумия» (1833) [Полевой, 1986а] и «Эмма» (1834) [Полевой, 1986б].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Восприятие природы Э. Т. А. Гофманом соответствовало позиции иенских романтиков — Ф. Шлегеля, Ф. Шеллинга, Новалиса, Л. Тика, а также К. Риттера и Х. Стеффенса.

Своеобразный художественный мир Э. Т. А. Гофмана связан прежде всего с натурфилософией Ф. Шеллинга, позволившей проникнуть во внутреннюю сущность природы. «Произведения искусства должна быть свойственна такая же, если не большая реальность, чем творениям природы, образам, которые имеют такое же необходимое и вечное бытие, как людские поколения и растения, обладая одновременной индивидуальной и родовой жизнью и таким же бессмертием» [Шеллинг, 1999, с. 113]. Мысль Ф. Шеллинга о реальном, индивидуальном, конечном как воплощении вечного и бесконечного связана с поисками Ф. Шлегелем наглядных образов природы в мифологии и искусстве: «Что представляет собой всякая прекрасная мифология, как не иероглифическое выражение окружающей природы в этом преображении фантазии любовью?» [Шлегель, 1983, с. 190]. О проявлении всеобще-природного одухотворенно-таинственного в отдельных флористических образах, растительном коде природы много размышляет Новалис во «Фрагментах» и в романе «Генрих фон Офтердинген». Так, о растениях говорится как о «самом непосредственном языке почвы»: «Каждый новый листик, каждый причудливый цветок являет некую тайну, пробившуюся наружу» [Новалис, 1922, с. 154].

Герои Э. Т. А. Гофмана тоже разговаривают с природой, которую представляют великим одухотворенным существом. Так, Бальтазар в повести «Крошка Цахес» говорит о «сладком покое», когда он ложится на цветущую

щий луг и смотрит на небо: «О, Фабиан, в такие минуты в моей душе пробуждается какая-то таинственная сила, какой-то волшебный дух, и я слышу, как он переговаривается с деревьями, с кустами, с лесным ручейком, и меня охватывает такое блаженство, такое чувство сладкой и вместе с тем мучительной боли, что этого не выразить никакими словами!» [Гофман, 1930, с. 134].

В новелле «Повелитель блох» мастер говорит о своем «народе» как опередившем людей «в прозрении тайн природы» [Гофман, 1962, с. 385]. Значима сюжетная деталь: не что иное, как укусы блохи, спасает Дертье Эльвердинк от гибели. Повествователь в духе Ф. Шеллинга комментирует финал «удивительных приключений» и указывает на «неизбежный дуализм природы» [Там же, с. 469].

Изучение «тайн природы и человека» заставляет героя повести Н. А. Полевого «Блаженство безумия» «забывать время, когда занимался ими. Исследование магнетизма, феософия, психология были любимыми его занятиями» [Полевой, 1986а, с. 102]. В образе Антиоха писатель запечатлел воодушевление романтической молодежи первой трети XIX века, принявшей натурфилософию Ф. Шеллинга и открытия, объединившие представления о связи физического и духовного мира. Объяснение магнетизма Ф. Шеллингом воспринималось и в России как откровение. Герой Н. А. Полевого получил образование в Геттингенском университете, и «самым любимым его чтением» были «Эккартсгаузен, Шведенборг, Шубарт, Бем» [Там же, с. 102]. Ряд этих авторов в списке чтения героя — значимое маркирование философов-мистиков, занимавшихся познанием тайн природы, в той или иной степени — предшественников Ф. Шеллинга.

В том же философско-романтическом поле размышлений о «непостижимом таинстве природы» находятся высказывания героев повести Н. А. Полевого «Эмма». Так, в области глубинных природных загадок видится княгине излечение с помощью «животного магнетизма» ее сына (молодого князя С***) девушкой Эммой, наделенной природно-мистическими способностями [Полевой, 1986б, с. 340].

Среди приемов воплощения нравственно-философской проблематики, в культурно-эстетическом генезисе восходящей к натурфилософии Ф. Шеллинга и другим немецким философам, в повести Н. А. Полевого значимыми видятся не только дискурсивные, уводящие в область ноуменального, высказывания, но предметно-феноменальные природные образы.

В данной статье представлен анализ особенностей создания флористических образов в произведениях Гофмана и Полевого, обеспечивающих, кроме прочего, специфику понимания ими двойственности бытия и глубинных связей человека и природы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «В тайне любви — разгадка тайны природы»: любовь как мистическое чувство в новелле Э. Т. А. Гофмана «Повелитель блох» и повестях Н. А. Полевого «Блаженство безумия» и «Эмма»

В новелле «Повелитель блох» Э. Т. А. Гофман представляет два мира и героев, которые тоже ведут двойное существование. Невидимый мир открывается здесь тридцатипятишестилетнему жителю Франкфурта-на-Майне Перегринусу Тису — чудаковатому, наивному, инфантильному, названному отцом «мечтателем-дураком» [Гофман, 1962, с. 350]. Э. Т. А. Гофман прибегает к традиционной для его произведений нарративной модели: как Ансельм из «Золотого горшка» или «странствующий энтузиаст» из «Кавалера Глюка», он оказывается вовлеченным в необычную историю вместе с давно умершими Антоном фон Левенгуком (умер в 1725 году), Яном Сваммердамом (умер в 1680 году), а также таинственными порождениями мира природы — владыкой блох, принцем пиявок, гением Тетелем, сотворенным злым демоном «из жалкой глины и перьев, которые потерял глупый, неповоротливый страус» [Там же, с. 478—479]. Все они влюбляются в прекрасную племянницу оптического мастера Дертье Эльвердинк, она же в сказочном мире принцесса Гамехея. Перегринус Тис некоторое время считает ее своей второй половиной, но после встречи с Розочкой, дочерью переплетчика Лэммерхирта, понимает разницу между влюбленностью и любовью.

Растительный код в «Повелителе блох» Гофмана связан с рождественским мифологическим кодом, который определяет художественное время в новелле «Щелкунчик и Мышиный король». «Роковая рождественская елка» именуется «гнездом, где зародились самые удивительные, самые безумные приключения» [Там же, с. 482]. Повесть Н. А. Полевого «Блаженство безумия» начинается с чтения «Повелителя блох», где переплетаются «страна чудесного», «мир волшебства» и «самый обыкновенный мир» [Полевой, 1986а, с. 89]. Реминисценции из гофмановской новеллы непосредственно задают двоемирие в повести Н. А. Полевого.

В «Повелителе блох» много отсылок к предшествующим текстам, которые не только выступают как литературный прием, создающий впечатление чудесного и сказочного, но и служат концептуализации ценностно-смыслового строя новеллы: размышления писателя о мистической сущности вселенной и любви, позволяющей постичь тайны природы, присутствовали и в творчестве иенских романтиков. Так, в романе Л. Тика «Странствия Франца Штернбальда» художник, отправившийся в Италию, часто вспоминает девочку, которой он в детстве подарил цветы под аккомпанемент лесного рога. Спустя годы Штернбальд встречает ее в Риме: снова слышны звуки лесного рога, а в руках Марии он видит засушен-

ные цветы. «Вся природа слала ему свой привет и желала счастья» [Тик, 1987, с. 222]. Герой Гофмана переживает аналогичные пространственно-ментальные приключения. Перегринус Тис в юности тоже отправлялся в «дальние края»: «Одни утверждают, что побывал он в далекой Индии, другие, напротив, держатся того мнения, что посетил он ее только в своем воображении» [Гофман, 1962, с. 351]. Спустя годы, после встречи с Розочкой на верхнем этаже дома Кальбахской улицы, гофмановский герой в своем сне видит себя «на великолепном троне, в богатом индийском царском одеянии, со сверкающей диадемой на голове, с знаменательным лотосом, вместо скипетра, в руке» [Там же, с. 477]. Индийский колорит дает сюжету «континентальный» масштаб, а растительный символ — лотос, замещающий в предметном ряду царской символики скипетр, — служит воплощением власти: и земной, и небесной, духовной. Соединение героя с «небесным херувимом Розочкой» приветствует вся природа: зашумели кедры, «подняли цветы свои головки», «сладостные мелодии заструились», «донесли ликующие клики» [Там же, с. 480]. Э. Т. А. Гофман, как и иенские романтики, выражает поэтическое чувство природы, которая «говорит» растениями, звуками, камнями, вещами.

Новелла «Повелитель блох» заканчивается двумя свадьбами, как и «Золотой горшок». Однако земные переживания Перегринуса Тиса и Георга Пепуша отличаются от метаний Ансельма и уверенного в своих действиях Геербранда.

Антиох, герой повести Н. А. Полевого «Блаженство безумия», говорит об Адельгейде так: «половина моей души» [Полевой, 1986а, с. 115]. Имя девушки для него «соединяет в себе и звуки музыки, и слова поэзии, и цветы живописи, и формы ваяния», оно «ясно, громко, просто» «выговаривается природой» [Там же, с. 114]. Адельгейда, как и Дертье Эльвердинк, привлекает зрителей на «мнемо-физико-магические вечера» своего отца Людовика фон Шреккенфельда. «Немецкость» героини подчеркивается и в портрете: «лицо мадонн Альбрехта Дюрера», сравнение с героинями Шиллера и Гете — Теклой и Миньоной [Там же, с. 103—104]. Как герои немецких романтиков, которые через любовь постигали тайну природы, раскрывающуюся только любящим, Антиох после встречи с Адельгейдой восклицает: «Мой взор проникает теперь всю природу» [Там же, с. 113]. Счастливый Антиох благодарит природу за встречу с Адельгейдой, а в ее имени ему слышится «все — мысль, душа, жизнь, весь мир» [Там же, с. 114]. Проникнув взором во всю природу, герой получает универсальное интуитивное знание, противоположное прагматике разума.

Природа как всеохватывающее метафизическое явление соединено с мистическим значением любви и в повести Полевого «Эмма», героиня

которой проживает в Немецкой слободе (что служит отправной точкой в системе реминисценций из Гофмана). Мечты девушки о любви и тайне природы неразрывны: «Мне кажется иногда, что создаю себе кого-то, какое-то привидение, из всего, что очаровывает меня в природе; я даю ему образ человеческий, передаю ему *свою душу* — он мне больше, нежели подруга — он *друг мой* — нет! Еще больше: он так любит меня, что друг так любить не может... и я не знаю, как назвать его» [Полевой, 1986б, с. 290]. Эмма не хочет такого союза, о котором мечтает ее подруга Фанни; она не собирается выходить замуж за гусара, надеясь, что любящий ее дедушка не будет настаивать; отказывается от полковника Доброва, за которого ее сватает княгиня. Она представляет своего избранника «воздушным привидением», у которого «глаза светятся небом» [Там же, с. 290]. Сопоставление глаз с природной сферой — небом — выступает здесь и топосом, и более глубоким природным символом, несущим мистическое, надмирное духовное единение. Соединение темы любви с пространством неба — национальная особенность отечественной картины мира, присутствующая в повестях К. С. Аксакова «Облако», Н. А. Полевого «Живописец», романе Н. И. Греча «Черная женщина» и др. [Ильченко и др., 2023].

Сначала Эмма не видит в молодом князе С*** того «прелестного образа», о котором мечтала, называет чувство к нему «родственным привязанностью» [Полевой, 1986б, с. 343], но потом убеждается в своей любви, называя ее «безнадежным безумием» [Там же, с. 345]. Только доктор-немец с самого начала сближения Эммы и Поля понимает, что их связывает глубокое чувство, «сродство душ», позволившее вылечить молодого князя от сумасшествия. Он прямо говорит княгине, которая сначала была заинтересована в Эмме, лечившей ее сына, а потом задумалась о социальном неравенстве («он князь, а она мещанка» [Там же, с. 240]): «Просто сын ваш и Эмма любят друг друга; и Эмма, и сын ваш могут погибнуть от этого» [Там же, с. 250]. Финал повести связан с гибелью героев: сначала умирает Эмма, отчаявшаяся найти ответное чувство; вскоре рядом с ней на сельском кладбище хоронят молодого князя С***, погибшего от случайной пули во время Отечественной войны 1812 года. Сельское кладбище — традиционный локус предромантизма — выступает здесь образом, объединяющим героев как в мистическом, так и в природном пространстве.

3.2. Цветочный мир героев Э. Т. А. Гофмана

Ф. Шеллинг называет мифологию особым «миром», «почвой, на которой только и могут расцвести и произрастать произведения искусства. Только в пределах такого мира возможны устойчивые и определенные образы, через которые только и могут получать выражение вечные понятия» [Шеллинг, 1999, с. 113]. В контексте натурфилософских идей, на которых строили свой

универсум немецкие романтики, мифология непосредственно связана с символическим изображением природы. Начиная с Новалиса и Л. Тика особенно значимой становится символика цветов [Schulz, 2002]. Э. Т. А. Гофман тоже представляет свои флористические предпочтения. Они связаны прежде всего с образами розы и лилии [Ильченко и др., 2023]. В «Повелителе блох» выделяются образы тюльпана и чертополоха. История прекрасной Гамахеи передается несколько раз — в изложении укротителя блох Антона ван Левенгука, Георга Пепуша и мастера-блохи. В описании гибели дочери короля Секакиса и царицы цветов от поцелуев принца пиявок, затем в описании ее чудесного возвращения к жизни в пространстве реальных немецких городов проявляется мастерство Э. Т. А. Гофмана как создателя новой версии романтической картины мира и своеобразной «флористической» мифологии. Представляя свой «растительный орнамент действительности», он опирается на предшествующие тексты. Принцесса Гамахея в виде «маленького зернышка» оказалась лежащей «в цветочной пыли тюльпанной чашечки» [Гофман, 1962, с. 370], как героиня Новалиса — в лепестках голубого цветка. Мотив превращения цветка в женщину и женщины — в цветок встречается в сказках «Белоснежка и Алоцветик», «Милый Роланд», «Шиповничек» Я. и В. Гримм, в «Мирточке» К. Брентано; в произведениях Э. Т. А. Гофмана — «Золотой горшок», «Эликсиры сатаны» и др.

Принцессу Гамахею в Дертье Эльвердинк превращают «два мага». Отметим, что архетипический гендерный аспект (мудрец, ученый) ситуации появления красавицы, в том числе куклы, в сопровождении «ученых мужей» присутствует в новеллах Э. Т. А. Гофмана «Песочный человек», «Приключения в ночь под Новый год» и др. Нарративный прием — сопровождение мудрецами значимых событий — иногда совмещается со сказочным природным пейзажем. В «Повелителе блох» упоминается архивариус Линдхорст, он же — князь Саламандров в «Золотом горшке»; здесь он вместе с другими «мудрейшими магами мира» бывает в «далекой Индии», «в прекрасной долине, окруженной высокими горами» [Там же, с. 372].

Принцесса была найдена в «желто-лиловом тюльпане», присланном из Самарканда. Этот далекий от Германии город возникает в новелле несколько раз. «С XI века тюльпан становится все более важной частью культуры и искусства сельджуков и затем османов» [Козлова и др., 2022, с. 295]. Государство сельджуков располагалось на территории современных Турции, Туркменистана и Узбекистана. Предположительно, луковицы тюльпанов попали в Европу «благодаря австрийскому послу, направленному к Сулейману Великолепному» [Дэвис и др., 2023, с. 84]. Он отдал луковицы тюльпанов директору Венского сада лекарственных растений Карлу Клузиусу, который затем привез их в голландский город Лейден. Из Голландии тюль-

паны попали в Германию. Э. Т. А. Гофман называет Гамахею в новелле «голландкой», «прекрасной голландкой», «маленькой голландкой» [Гофман, 1962, с. 374, 375, 376, 380]. Путь героини, как и цветка, лежит с Востока на Запад. Тюльпан «по сей день является одним из символов Турции и одновременно символом Голландии. Восток и Запад в нем действительно сошлись вместе» [Козлова и др., 2022, с. 301]. Символика этого цветка связана с «безграничной любовью» [Дэвис и др., 2023, с. 84]. «На Востоке он символизирует красоту и любовь, в том числе и к Богу, на Западе напоминает о бренности жизни, подчеркивая тем самым ее ценность» [Козлова и др., 2022, с. 301]. Тюльпаны рано распускаются весной, поэтому с этими цветами связано представление о начале жизни. При этом они и быстро отцветают.

Эти свойства тюльпанов косвенно присутствуют в образе гофмановской героини. Она красива, всем внушает любовь, хрупка, находится на грани жизни и смерти. Отличие тюльпанов от многих других цветов связано с запахом: они не пахнут. Однако автору «Повелителя блох» важно было соотносить красоту и запах: его героиня окружена цветочной аурой и источает запах. Перегринусу кажется, что даже после исчезновения «прелестного создания» в комнате остается «сладостное дыхание» [Гофман, 1962, с. 391]. Связанная с восприятием дыхания, с атмосферно-обонятельной аурой, деталь повторяется в новелле. Бывший иенский студент Георг Пепуш, а в сказочном мире — чертополох Цехерит, «расцвел пламенной, страстной любовью», когда «сладостное дыхание Гамахей» коснулось его, «когда же он прикоснулся к виску прелестной принцессы, то и она полюбила его в сладкой своей дремоте» [Там же, с. 372]. Однако не обонятельный, а цветовой (колористический) код проявляется в критической нарративной точке. С гибелью принцессы автор новеллы связывает появление красной окраски цветов: «Самые красивые пурпурные гвоздики, амариллисы и левкои происходят как раз из того кипарисового леса, где принц пиявок зацеловал до смерти прекрасную Гамахею» [Там же, с. 369].

Э. Т. А. Гофман приписывает цветам символическое значение в повседневной жизни Перегринуса Тиса. Отделяя своего героя от других, считавших его за «помешанного», автор говорит о них как о не способных «увлечь себя в сторону каким-нибудь благоухающим кустарником или цветущим лужком» [Там же, с. 345]. Когда мастер-блоха вставил микроскопическое стекло в зрачок Тиса, он увидел «пестрые цветы, принимавшие облик людей, видел людей, растворявшихся в земле и затем выглядывавших из нее в виде блестящих камней и металлов» [Там же, с. 416]. Свою жизнь герой сравнивает с «мрачным, запущенным полем, заросшим чертополохом» [Там же, с. 407].

Однако чертополох у Э. Т. А. Гофмана — не только цветок-колючка: чертополох Цехерит называет себя «чудеснейшим цветком», «прекраснейшим кактусом» [Там же, с. 407]. В оригинальном тексте его гневная речь звучит следующим образом: “Bist du so wenig erfahren in der Naturkunde, um nicht zu wissen, daß die *wunderherrlichste Blume*, die es nur geben mag, nichts anders ist als die Blüte einer Distel? Ich meine den *Cactus grandiflorus*. Und ist die Distel Zeherit nicht eben wieder der *schönste Cactus* unter der Sonne?” [Hoffmann, 1972, S. 437]. В буквальном переводе *wunderherrlichste Blume* — самый замечательный цветок; *schönste Cactus* — самый красивый кактус. Георг Пепуш раскрывает тайну своему другу Тису: «Я сам и есть чертополох Цехерит и не отказывался и никогда не откажусь от моих прав на руку дочери достойного короля Секакиса» [Гофман, 1962, с. 407]. В земной жизни Георг Пепуш оказывается таким же стойким и крепким, как чертополох. Кроме того, чертополох символизирует печаль, в библейском мифологическом символизме — крестные муки Христа, а «название растения отражает его магическую функцию — отгонять нечистую силу» [Любовь к ботанике ..., 2019, с. 199]. В новелле Георг Пепуш / Цехерит выполняет охранительную функцию по отношению к Дертье Эльвердинк / принцессе Гамахее.

В России семантика чертополоха восходит к словосочетанию «пугающий чертей»: «колючая сорная трава, равно ненавистная всей нечистой силе» [Грушко и др., 1995, с. 318]; «в Германии это растение в народе называют “мужская верность” (*Mannestreu*)» [Козлова и др., 2022, с. 263]. Соответствия этому очевидны у Гофмана: о преданности своей возлюбленной и желании ее спасти свидетельствуют, например, сцены в погребке, когда Георг Пепуш вступает в схватку с балетмейстером *Legénie* / гением Тетелем и таможенным чиновником / принцем Пиявкой, борющимися за принцессу, а также в комнате Левенгука, когда вновь становится участником «войны с демоническими пришельцами» [Гофман, 1962, с. 454], что придает образу околорелигиозную коннотацию. К указанным ранее философским истокам восходит мистическая нота в сознании героя. Удостоверившись, что его возлюбленную может спасти только Тис, Пепуш «понял, что его брак с Дертье Эльвердинк противоречит сочетанию светил и сулит только всякие беды и гибель... отказался от своих притязаний... заявив только, что он готов пожертвовать жизнью в защиту прекраснейшей» [Там же, с. 460].

Однако Дертье вспомнила Пепуша и их доземное бытие. Они возвращаются в «цветочную», сказочную жизнь. Свидетелями «престранного чуда» становятся Перегринус Тис и Розочка. «Посреди красивого боскета за ночь вырос высокий *Cactus grandifloras*, его цветок поник, увянув в утренних лучах, а вокруг него любовно обвивался лилово-желтый тюль-

пан, умершей тою же жизнью растения» [Гофман, 1962, с. 481]. В оригинальном тексте цвет тюльпана более нежный — *lila- und gelbgestreifte Tulpe* [Hoffmann, 1972, S. 509]. Любовь соединяет Дертье (тюльпан Гамахея) и Пепуша (чертополох Цехерит), при этом автором поддерживается мотив их внеземного бытия.

3.3. Природный фон героев Н. А. Полевого: гофмановский контекст

Антиох, герой повести «Блаженство безумия», также выступает защитником возлюбленной Адельгейды. Смерть как объединяющее метафизическое пространство — также свойство реминисценций из Гофмана. Перед дуэлью он говорит своему другу, что понимает загадку жизни: «Адельгейда умрет, и смерть соединит меня с нею» [Полевой, 1986а, с. 124]. Мотив воспоминания о доземной жизни, о существовании двух миров тоже значим в повести Н. А. Полевого. Антиох уверен, что «знал когда-то Адельгейду... Я знал ее где-то там» [Там же, с. 107]. Этот мотив повторяется, варьируется.

Георг Пепуш также «чем дольше вглядывался в милое личико голландки, тем более пробуждалось в глубине его души какое-то глухое воспоминание, как будто он уже где-то ее видел» [Гофман, 1962, с. 375]. Тайну «до-бытия земного» Антиох сначала связывает с Италией («Помню эту хижину в цветнике на берегу моря...» [Полевой, 1986а, с. 116], потом вспоминает «тот мир, где прежде, до Италии, мы жили некогда с нею» [Там же, с. 116]. Так возникает едва очерченное «райское» пространство в отличие от традиции представлять Италию идеальной страной, сферой искусства, сложившейся в эпоху романтизма, в том числе в творчестве Л. Тика (роман «Странствия Франца Штернбальда»), Э. Т. А. Гофмана (новеллы «Артура зала», «Выбор невесты»), самого Н. А. Полевого (повесть «Живописец»), в повести «Блаженство безумия» происходит снижение образа «обетованной страны искусства»: она называется «муравейником, на котором расцвела бедная незабудка» [Там же, с. 116]. Энтомологическая метафора подчеркивает природный код повествования, но формирует противопоставление «муравейник — цветок», что выводит на базовую романтическую оппозицию: «социум / толпа — индивидуум». Одно из поверий, связанных с этим цветком незабудкой, — «присылаемое с того света напоминание живущим о тех, кого с нами уже нет» [Любовь к ботанике ..., 2019, с. 99]. Восприятие незабудки как цветка памяти и забвения характерно для многих народов. Название *forget-me-not* (англ.) означает «не забывая меня». «Согласно немецкой легенде, когда Бог давал имена всем растениям, одно из них выкрикнуло: “Не забудь обо мне, Господи!”, на что тот ответил: “Так тебя и будут называть”» [Дэвис и др., 2023, с. 10].

«Другой» мир связан в этой повести Н. А. Полевого с Востоком, с «очарованными райскими садами», которые скрылись под землей. Архетип рая варьируется — потерянный рай преобразуется в благословенный «возвращенный рай» на основе избирательности: иногда они становятся видимыми для избранных — золотистый виноград, райские ароматы, живая вода. «В этой невидимой стране было существо, которое теперь бродит двойственно по земле под именем Антиоха и Адельгейды» [Полевой, 1986а, с. 116]. (Амбивалентность этого образа Антиох + Адельгейда — отсылает к архаическому мотиву гермафродитизма, требующему дополнительных исследований применительно к русскому романтизму). В «Повелителе блох» Дертье Эльвердинк пытается вспомнить, где она встречалась с Пепушем: «У меня такое чувство, будто в очень давние времена нас связывала тесная дружба, но было то в очень далекой стране и при каких-то особых, странных обстоятельствах» [Там же, с. 377].

Соединение Антиоха и Адельгейды, как и Дертье с Пепушем, происходит не в земном мире. Антих говорит своему другу: «не знаю, как свершится таинственный союз души моей: останемся ли мы в мире или, говоря по-человечески, умрем — ведь мне все равно» [Там же, с. 117]. Если у Э. Т. А. Гофмана герои прямо соотносятся с образами цветов, то в «Блаженстве безумия» по отношению к героям Н. А. Полевой использует характеристики общего плана, «стертые» метафоры цветения. Встретив Адельгейду, Антиох «расцвел, казалось, новым здоровьем, был весел, мил, одевался щегольски» [Там же, с. 119]. Болезнь Адельгейды сравнивается с разрушением «прекрасного, юного, цветущего создания» [Там же, с. 127]. В культурной и литературной традиции Германии человеческая жизнь соотносится с цветком, что восходит к позиции Я. Беме, где запечатлена трансформация энергии в метафорическом плане. «И хотя животное тело подлежит ислению, однако сила его остается жить, из силы вырастают прекрасные розы и цветочки» [Беме, 2000, с. 316].

В повести «Эмма» Н. А. Полевой выстраивает традиционную для дискурса XVIII—XIX веков оппозицию культурного — природного, искусственного — естественного. Повествователь рассуждает о двух типах небольших московских садов, сравнивая их с «дамскими шемизетками»: одни создаются без души, в них — растения, «продаваемые в каждой цветочной лавочке», цветник с алебастровыми богинями, которых развозят по городу в лотках; другие, в которых «цветочная шемизетка бывает надела на грудь счастья жизни», восхищают «и акациями, и дорожками, и цветниками» [Полевой, 1986б, с. 284]. Садик Эммы относится ко второму типу и создан с любовью. Значимый атрибут сада — цветы. Героиня говорит о цветах как об одушевленных существах, обладающих человечески-

ми качествами, живущих едва ли не полной жизнью: «Всякий раз, когда я смотрю на мои цветы, когда запахом их навевает ко мне ветерок, когда притом птичка так весело напевает мне своим голоском, — тут отзывается душа какая-то, душа в цветах, в звуках» [Там же, с. 290]. Любимый цветок героини Н. А. Полевой — василек. Она называет его «милым цветочком», ухаживает за ним, «как за больным братом» [Там же, с. 285]; ей казалось, что он даже «гордился между другими цветами, как будто хотел сказать им: “Меня любит Эмма”» [Там же, с. 292].

Встреча Эммы с «бедным безумцем», молодым князем С***, произошла в «сади́ке». Он перелез через ограду, отделявшую обширный княжеский сад от родного пространства героини, стал топтать грядки с цветами, «уничтожать милые васильки» [Там же, с. 294]. Дальнейшие взаимоотношения этих героев будут ассоциативно связаны с разрушенным садиком Эммы. Особо выделяется образ василька, который автор наделяет символическим значением. Эмма «выхаживала» погибающий василек, он ожил, и девушка радостно говорит своей подруге Фанни: «Васильки! Бог и им велел жить; и не жалко ли, если они гибнут, не расцветая, не насладившись своею жизнью! а всего-то им жить одно лето...» [Там же, с. 285].

В научной сфере название этому цветку дал Карл Линней — *Centaurea cyanus*, что значит «кентавр синий». Знаменитый ботаник основывался на древнегреческой легенде, в которой говорится о кентавре Хироне, излечившемся от яда Лернейской гидры соком василька. Христианская культура привносит новые смыслы в символику цветов, в частности, василька. «Поскольку в христианской доктрине змея — символ дьявола, то василек, который излечивает змеиные укусы, ассоциируется с образом Иисуса, победившего демонов» [Импеллузо, 2009, с. 104]. Эмма спасает безумного соседа, который полностью подчиняется доброй, искренней, скромной девушке, лечащей «своей душой душу» другого человека. Дедушка Эммы был поражен силой духа своей робкой внучки, мгновенно умирившей сумасшедшего: «Эмма казалась божеством, перед которым уничтожаются его злость и сила» [Полевой, 1986б, с. 297].

Нарративные составляющие «Эммы» отсылают повествование к традициям сентиментализма: противопоставление разума и чувства, образ сельского кладбища, выраженные природные годовые циклы (здесь весна как центр), социальное неравенство. Князь, будучи безумным, подчинился «естественной» героине. Излечившись от сумасшествия, он постепенно отделился от Эммы. Поль «не покорился» душой и светской красавице Моине. Однако Эмма перестала быть его «прежней повелительницей».

Н. А. Полевой объясняет это не только социальными преградами, на которые указывает княгиня, но и глубинными противоречиями между со-

знательным (а потому далеким от интуитивной составляющей любви) и бессознательным устремлением к сродству душ. Показательна сцена, в которой выздоравливающий князь затрудняется нарисовать цветок. Он мог только срисовать несколько цветочков Эммы, сорванных во время прогулки; затем обвести гирляндой свои цветочки и мастерски нарисованный цветок Эммы. Соединяющая символическая гирлянда оказалась в земной жизни только на рисунке. Поль, не догадывающийся о своем глубоком чувстве к Эмме, все же вскоре оказывается рядом с ней на сельском кладбище.

Монах Паисий называет Эмму «жертвой судьбы», предлагая ей для спасения удалиться к родным и друзьям: «Ты здесь чужая — там родная» [Там, с. 358]. Жизнь Эммы и Поля, как недолгая жизнь василька, предрекаемая героиней, является в повести роковым образом predetermined. Герои познакомились весной, а через год девушка умерла. «Эмма вспомнила, что такое же светлое небо было распростерто над нею, когда она в первый раз увидела сумасшедшего князя. Но тогда как высоко стояла она над миром! — Ее окружали родные в мирном приюте своем. А теперь она одна...» [Там же, с. 357]. Любовь, о которой мечтала Эмма, оказалась невозможной в земной жизни. Перед смертью она переходит в православную веру, чтобы быть похороненной в уединенном уголке сельского кладбища, где находился склеп предков князя. «Бренные кости мои возрадуются, что на одной божией ниве восстанем мы некогда: восстану я — не упрекать его, но встретить взором святой любви, которого не узнать ему в земной жизни; восстанет и он — не отвергнуть меня, но вместе приблизиться к трону любви бесконечной» [Там же, с. 363]. Судьба Эммы и Поля — это и яркое подтверждение романтической мечты об *устремленности к миру иному*, представленному здесь в христианских коннотациях.

4. Заключение = Conclusions

«Растительный орнамент действительности», созданный в произведениях Э. Т. А. Гофмана и Н. А. Полевого, восходит к натурфилософии Ф. Шеллинга, заслугу которого В. М. Жирмунский видел в «рассмотрении всей природы как единого организма, всех физических явлений как “категорий природы” на ее пути к сознанию» [Жирмунский, 1996, с. 49].

Обращаясь к ассоциациям мифопоэтического характера, связанным с миром природы, немецкий и русский романтики руководствовались не только своей фантазией, но использовали аллегорическое и символическое значение цветов, которое традиционно прочитывалось в мифах, а также легендах и сказках. Эстетически пересоздавая их, Э. Т. А. Гофман и Н. А. Полевой следовали определенной идейной установке: их герои-романтики представляли природу живой, одухотворенной; они обладали способностью

вступать с ней в диалог; тайны природы оказались подвластны Перегринусу Тису, Антиоху, Эмме. Романтическое одушевление сил природы писатели связывали с любовью, благодаря которой раскрывались тайны мира. Мотивы сродства душ, томления, уединения, воспоминания о прошлом («ином») мире выполняли сюжетобразующую роль. Гибель Георга Пепуша и Дертье Эльвердинк, Антиоха и Адельгейды, Эммы и молодого князя С*** соединила их после земной смерти в другом мире, который каждый из писателей представлял в соответствии со своей национальной традицией.

В известной мере благодаря «языку цветов» Э. Т. А. Гофман и Н. А. Полевой выразили свое представление о двойственности мира. Иносказательный смысл цветочной образности позволил им показать включенность образов цветов в общую картину «растительного орнамента действительности».

Выявление особенностей писательской манеры Э. Т. А. Гофмана и Н. А. Полевого через флористические «пристрастия» служит расширению представления об их творчестве и национальной самобытности романтизма Германии и России.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. Гофман Э. Т. А. Маленький Цахес / Э. Т. А. Гофман ; Перевод под ред. З. А. Вершинной // Собрание сочинений в 6 тт. — Москва : НЕДРА, 1930. — Т. VI. — С. 115—215.
2. Гофман Э. Т. А. Повелитель блох / Э. Т. А. Гофман ; перевод М. Петровского // Избранная проза в 3 тт. — Москва : Художественная литература, 1962. — Т. 2. — С. 341—482.
3. Новалис. Гейнрих фон Офтердинген / Новалис ; перевод З. Венгеровой и В. Гиппиуса. — Петербург : Всемирная литература, 1922. — 174 с.
4. Полевой Н. А. Блаженство безумия / Н. А. Полевой // Избранная проза и письма. — Ленинград : Художественная литература. Ленинградское отделение, 1986а. — С. 89—133.
5. Полевой Н. А. Эмма / Н. А. Полевой // Избранная проза и письма. — Ленинград : Художественная литература. Ленинградское отделение, 1986б. — С. 277—366.
6. Тик Л. Странствия Франца Штернбальда / Л. Тик ; перевод С. С. Белокриницкой. — Москва : Наука, 1987. — 360 с.
7. Hoffmann E. T. A. MEISTER FLOH. Ten Märchen in sieben Abenteuern zweier Freunde / E. T. A. Hoffmann // Sämtliche poetischen Werke. Dritten Band. — Wiesbaden : Reclam Verlag, 1972. — S. 375—510.

Литература

1. Басманова Э. Старинный цветочный этикет. Цветочные традиции и цветочный этикет в частной и общественной жизни России XVIII — начала XX века / Э. Басманова. — Москва : Белый город, 2011. — 416 с. — ISBN 978-5-7793-2164-8.

2. Беме Я. Аврора, или Утренняя заря в восхождении / Я. Беме ; перевод А. Петровского. — Санкт-Петербург : Азбука, 2000. — 412 с. — ISBN 5-267-00123-6.
3. Ботникова А. Б. Немецкий романтизм: диалог художественных форм / А. Б. Ботникова. — Воронеж : Воронежский государственный университет, 2004. — С. 205—236. — ISBN 5-9273-0497-4.
4. Ботникова А. Б. Э. Т. А. Гофман и русская литература (Первая половина XIX) : к проблеме русско-немецких литературных связей / А. Б. Ботникова. — Воронеж : Воронежский институт, 1977. — 208 с.
5. Вайскопф М. Влюбленный демиург. Метафизика и эротика русского романтизма / М. Вайскопф. — Москва : Новое литературное обозрение, 2012. — 696 с. — ISBN 978-5-86793-976-2.
6. Веселовский А. Н. Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля / А. Н. Веселовский // Историческая поэтика. — Москва : Высшая школа, 1989. — С. 262—268. — ISBN 5-06-000256-X.
7. Гачев Г. Д. Германский образ мира. Германия в сравнении с Россией / Г. Д. Гачев. — Москва : Академический проект, 2019. — 855 с. — ISBN 978-5-8291-2025-2.
8. Горбовская С. Г. Флорообраз во французской литературе XIX века / С. Г. Горбовская. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2017. — 273 с. — ISBN 978-5-288-05746-5.
9. Грушко Е. А. Словарь славянской мифологии / Е. А. Грушко, Ю. М. Медведев. — Нижний Новгород : Русский купец, Братья славяне, 1995. — 368 с. — ISBN 5-88204-032-9.
10. Дэвис Дж. Тайный язык цветов / Дж. Дэвис, Дж. Сондерс ; перевод с английского О. Лисенковой. — Москва : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2023. — 128 с. — ISBN 978-5-389-17084-1.
11. Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика / В. М. Жирмунский. — Санкт-Петербург : Аксиома, 1996. — 232 с.
12. Ильченко Н. М. Цветочная и растительная символика в творчестве немецких и русских романтиков / Н. М. Ильченко // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. — 2012. — № 18. — С. 92—103.
13. Ильченко Н. М. «Видимое есть символ» : Природа как одухотворенное начало в изображении русских и немецких романтиков / Н. М. Ильченко, Е. Г. Чернышева // Litera. — 2023. — № 12. — С. 15—27. — DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69146.
14. Импеллузо Л. Природа и ее символы. Растения. Цветы. Животные / Л. Импеллузо ; перевод с итальянского В. Ю. Траскина. — Москва : Омега, 2009. — 368 с. — ISBN 88-370-2040-6.
15. Ионикс Г. Э. Новалис и его голубой цветок / Г. Э. Ионикс // Золото Рейна. Сокровища немецкой культуры. — Санкт-Петербург : Алетея, 2011. — С. 130—141. — ISBN 978-5-91419-447-2.
16. Козлова О. Искусство и флора. От Аканта до Яблони / О. Козлова, С. Шехтер. — Москва : Слово / Slovo, 2022. — 320 с. — ISBN 978-5-387-01809-1.
17. Левит Т. Гофман в русской литературе / Т. Левит // Гофман Э. Т. А. Собрание сочинений. — Москва : НЕДРА, 1930. — Т. VI. — С. 333—371.
18. Любовь к ботанике / отв. редактор Е. Стрельцова. — Санкт-Петербург : Арка, 2019. — 224 с. — ISBN 978-5-91208-395-2.
19. Марченко Н. А. Быт и нравы пушкинского времени / Н. А. Марченко. — Санкт-Петербург : Азбука-плюс, 2005. — 432 с. — ISBN 5-352-01320-0.
20. Микушевич В. Б. Голубой цветок и дьявол / В. Б. Микушевич // Новалис. Генрих фон Офтердинген ; Новалис. Гимны к ночи ; Новалис. Духовные песни ; Бонавентура.

Ночные бдения ; Гофман Эрнест Теодор Амадей. Эликсиры сатаны. — Москва : ТЕРРА-Книжный клуб, 1998. — С. 7—11.

21. *Потебня А. А.* Символ и миф в народной культуре / А. А. Потебня. — Москва : Лабиринт, 2000. — 480 с. — ISBN 5-87604-107-6.

22. *Пропп В. Я.* Поэтика фольклора / В. Я. Пропп. — Москва : Лабиринт, 1998. — 352 с. — ISBN 5-87604-065-7.

23. *Сахаров В. И.* Прозаик-романтик и его издатель (А. А. Бестужев-Марлинский и Н. А. Полевой) / В. И. Сахаров // Русская проза XVIII—XIX веков. Проблемы истории и поэтики. Очерки. — Москва : ИМЛИ РАН, 2002. — С. 43—55. — ISBN 5-9208-0103-4.

24. *Соколов М. Н.* Цветы в культуре Европы / М. Н. Соколов // Время и место. Время и место. Искусство Возрождения как перворубеж виртуального пространства. — Москва : Прогресс-традиция, 2002. — С. 99—111. — ISBN 5898261249, 978598261245.

25. *Федоров А. В.* Безумие, любовь, смерть (О повести Н. А. Полевого «Блаженство безумия») / А. В. Федоров // Литературные взгляды и творчество Н. А. Полевого. — Москва : ИМЛИ РАН, 2002. — С. 158—171. — ISBN 5-9208-0100-X.

26. *Шарафадина К. И.* «Алфавит Флоры» в образном языке литературы пушкинской эпохи (источники, семантика, формы): Науч. монография / К. И. Шарафадина. — Санкт-Петербург : Петербургский институт печати, 2003. — 320 с. — ISBN 5-8122-0303-2.

27. *Шарафадина К. И.* «Селам, откройся!». Флоропоэтика в образном языке русской и зарубежной литературы / К. И. Шарафадина. — Санкт-Петербург : Нестор-история, 2018. — 544 с. — ISBN 978-4469-1451-7.

28. *Шеллинг Ф.* Философия искусства / Ф. Шеллинг ; перевод с немецкого П. С. Попова. — Москва : Мысль, 1999. — 608 с. — ISBN 5-244-00906-0.

29. *Шлегель Ф.* Эстетика. Философия. Критика в 2 т. / Ф. Шлегель ; Перевод с немецкого П. С. Попова. — Москва : Искусство, 1983. — Т. 1. — 479 с.

30. *Schulz G.* Universum und Blau Blume. Zum Gedenken an Novalis (1772—1801) / G. Schulz. — Oldenburg : BIS Universität Oldenburg, 2002. — 170 s.

Статья поступила в редакцию 15.06.2024,
одобрена после рецензирования 25.08.2024,
подготовлена к публикации 02.09.2024.

Material resources

Hoffman, E. T. A. (1930). Little Tsakhes. In: *Collected works in 6 volumes, VI*. Moscow: NE-DRA. 115—215. (In Russ.).

Hoffman, E. T. A. (1962). The Lord of fleas. In: *Selected prose in 3 volumes, 2*. Moscow: Fiction. 341—482. (In Russ.).

Hoffmann, E. T. A. (1972). MEISTER FLOH. Ten Märchen in sieben Abenteuern zweier Freunde. In: *Sämtliche poetischen Werke. Dritten Band*. Wiesbaden: Reclam Verlag. 375—510. (In Germ.).

Novalis. (1922). *Heinrich von Ofterdingen*. St. Petersburg: World Literature. 174 p. (In Russ.).

Polevoy, N. A. (1986a). The bliss of madness. In: *Selected prose and letters*. Leningrad: Fiction. Leningrad Branch. 89—133. (In Russ.).

Polevoy, N. A. (1986b). Emma. In: *Selected prose and letters*. Leningrad: Fiction. Leningrad Branch. 277—366. (In Russ.).

Tick, L. (1987). *The Wanderings of Franz Sternbald*. Moscow: Nauka. 360 p. (In Russ.).

References

- Basmanova, E. (2011). *Ancient floral etiquette. Floral traditions and floral etiquette in the private and public life of Russia of the XVIII—early XX century*. Moscow: Bely Gorod. 416 p. ISBN 978-5-7793-2164-8. (In Russ.).
- Boehme, Ya. (2000). *Aurora, or the Morning Dawn in ascension*. St. Petersburg: Azbuka. 412 p. ISBN 5-267-00123-6. (In Russ.).
- Botnikova, A. B. (1977). *Russian literature (The first half of the XIX century): on the problem of Russian-German literary relations*. Voronezh: Voronezh Institute. 208 p. (In Russ.).
- Botnikova, A. B. (2004). *German romanticism: a dialogue of artistic forms*. Voronezh: Voronezh State University. 205—236. ISBN 5-9273-0497-4. (In Russ.).
- Davis, J., Saunders, J. (2023). *The Secret Language of Flowers*. Moscow: KoLibri, ABC-Atticus. 128 p. ISBN 978-5-389-17084-1. (In Russ.).
- Fedorov, A. V. (2002). Madness, love, death (About the story of N. A. Polevoy “The Bliss of madness”). In: *Literary views and creativity of N. A. Polevoy*. Moscow: IMLI RAS. 158—171. ISBN 5-9208-0100-H. (In Russ.).
- Gachev, G. D. (2019). *The German image of the world. Germany in comparison with Russia*. Moscow: Academic project. 855 p. ISBN 978-5-8291-2025-2. (In Russ.).
- Gorbovskaia, S. G. (2017). *Flora image in French literature of the XIX century*. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House. 273 p. ISBN 978-5-288-05746-5. (In Russ.).
- Grushko, E. A., Medvedev, Yu. M. (1995). *Dictionary of Slavic Mythology*. Nizhny Novgorod: Russian Merchant, Slavs Brothers. 368 p. ISBN 5-88204-032-9. (In Russ.).
- Ilchenko, N. M. (2012). Floral and plant symbolism in the works of German and Russian romantics. *Bulletin of the Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov*, 18: 92—103. (In Russ.).
- Ilchenko, N. M., Chernysheva, E. G. (2023). “The visible is a symbol”: Nature as a spiritual principle in the image of Russian and German romantics. *Litera*, 12: 15—27. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69146. (In Russ.).
- Impelluso, L. (2009). *Nature and its symbols. Plants. Flowers. Animals*. Moscow: Omega. 368 p. ISBN 88-370-2040-6. (In Russ.).
- Ionix, G. E. (2011). Novalis and his blue flower. In: *Gold of the Rhine. Treasures of German culture*. St. Petersburg: Alethea. 130—141. ISBN 978-5-91419-447-2. (In Russ.).
- Kozlova, O., Shechter, S. (2022). *Art and flora. From Acanthus to Apple Tree*. Moscow: Slovo. 320 p. ISBN 978-5-387-01809-1. (In Russ.).
- Levit, T. (1930). Hoffman in Russian literature. In: *Hoffman E. T. A. Collected works, VI*. Moscow: NEDRA. 333—371. (In Russ.).
- Marchenko, N. A. (2005). *Life and customs of Pushkin's time*. St. Petersburg: Azbuka-plus. 432 p. ISBN 5-352-01320-0. (In Russ.).
- Mikushevich, V. B. (1998). The blue flower and the devil. In: *Novalis. Heinrich von Ofterdingen; Novalis. Hymns to the night; Novalis. Spiritual songs; Bonaventure. Night vigils; Hoffmann Ernest Theodor Amadeus. The elixirs of Satan*. Moscow: TERRA-Book Club. 7—11. (In Russ.).
- Potebnya, A. A. (2000). *Symbol and myth in folk culture*. Moscow: Labyrinth. 480 p. ISBN 5-87604-107-6. (In Russ.).
- Propp, V. Ya. (1998). *Poetics of folklore*. Moscow: Labyrinth. 352 p. ISBN 5-87604-065-7. (In Russ.).

- Sakharov, V. I. (2002). The romantic novelist and his publisher (A. A. Bestuzhev-Marlinsky and N. A. Polevoy). In: *Russian prose of the XVIII—XIX centuries. Problems of history and poetics. Essays*. Moscow: IMLI RAS. 43—55. ISBN 5-9208-0103-4. (In Russ.).
- Schelling, F. (1999). *Philosophy of Art*. Moscow: Mysl. 608 p. ISBN 5-244-00906-0. (In Russ.).
- Schlegel, F. (1983). *Aesthetics. Philosophy. Criticism in 2 volumes, 1*. Moscow: Iskusstvo. 479 p. (In Russ.).
- Schulz, G. (2002). *Universum und Blau Blume. Zum Gedenken an Novalis (1772—1801)*. Oldenburg: BIS Universität Oldenburg. 170 s. (In Germ.).
- Streltsova, E. (ed.). (2019). *Love of botany*. St. Petersburg: Arka. 224 p. ISBN 978-5-91208-395-2. (In Russ.).
- Sharafadina, K. I. (2003). “The Alphabet of Flora” in the figurative language of literature of the Pushkin era (sources, semantics, forms): *Scientific monograph*. St. Petersburg: St. Petersburg Institute of Printing. 320 p. ISBN 5-8122-0303-2. (In Russ.).
- Sharafadina, K. I. (2018). “Selam, open up!”. *Floropoetics in the figurative language of Russian and foreign literature*. St. Petersburg: Nestor-istoriya. 544 p. ISBN 978-4469-1451-7. (In Russ.).
- Sokolov, M. N. (2002). Flowers in the culture of Europe. In: *Time and place. Time and place. The Art of Rebirth as the first frontier of virtual space*. Moscow: Progress-Tradition. 99—111. ISBN 5898261249, 978598261245. (In Russ.).
- Veselovsky, A. N. (1989). Psychological parallelism and its forms in reflections of poetic style. In: *Historical poetics*. Moscow: Higher School. 262—268. ISBN 5-06-000256-X. (In Russ.).
- Weiskopf, M. (2012). *The Demiurge in love. Metaphysics and eroticism of Russian Romanticism*. Moscow: New Literary Review. 696 p. ISBN 978-5-86793-976-2. (In Russ.).
- Zhirmunsky, V. M. (1996). *German romanticism and modern mysticism*. St. Petersburg: Axiom. 232 p. (In Russ.).

*The article was submitted 15.06.2024;
approved after reviewing 25.08.2024;
accepted for publication 02.09.2024.*